ЯЗЫК СМИ

В.Н. Суздальцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

ДЕИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ И ДЕПЕРСОНИФИКАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена описанию еще не изученных современной лингвистикой семантико-стилистических приемов: деиндивидуализации и деперсонификации. Рассматриваются те вербальные средства, с помощью которых эти приемы реализуются. Подчеркивается, что в рамках политического массмедийного дискурса средства деиндивидуализации и деперсонификации становятся имиджевыми конструктами, и выявляются их креативные возможности.

Ключевые слова: *деиндивидуализация, деперсонификация, имидж, имиджевый конструкт, маркеры чуждости, имплицитная вербальная агрессия.*

The article is dedicated to the semantic and stylistic techniques that are de-individualization and de-personification still unexplored by modern linguistics. Under review there are the verbal means being used for implementation of the mentioned devices. It is emphasized that within the political mass-media discourse de-individualization and de-personification techniques become the image constructs and their creative potentialities are detected.

Key words: *de-individualization, de-personification, image, image construct, alien marker, implicit verbal aggression.*

В лингвостилистке и теории литературы хорошо изучены такие явления, как персонификация (или олицетворение), т.е. «приписывание неодушевленным предметам или абстрактным идеям человеческих действий или качеств» [Борев, 2003, с. 282], и индивидуализация — акцентирование индивидуальных, специфических характеристик названного объекта. Можно, однако, говорить о существовании и обратных явлений — деперсонификации и деиндивидуализации. Отдельные замечания о них встречаются в некоторых научных работах, но в целом эти явления не определены и не изучены. Между тем они занимают свое место в наборе лингвостилистических характеристик политического и массмедийного дискурсов и играют важную роль в конструировании образа власти.

Деперсонификацией назовем наделение лиц, людей свойствами неживого, в результате которого люди изображаются лишенными каких-либо человеческих качеств. При

деперсонификации в ядро лексического значения слова вводятся семы ‘не-лицо’, ‘не-живое’:

— *структуры* (*властные структуры*): в прямом значении — структура: ‘Взаиморасположение и связь составных частей чего-н.’[1] — термин, связанный прежде всего с категориями физики, химии, математики;

— *вертикаль* (*властная вертикаль, вертикаль власти*): в прямом значении — *вертикаль*: ‘Вертикальная линия’; *вертикальный*: ‘Перпендикулярный по отношению к горизонту, отвесный’[2] — термин геометрии;

— *аппарат* (*управленческий аппарат*): в прямом значении — *аппарат*: ‘Прибор, устройство для выполнения определенной работы’[3].

В результате актуализации семы ‘не-живое’ происходит затушевывание, иногда полное отъятие тех черт, которые присущи персоне, живому существу.

При деиндивидуализации обозначение, сохраняя в качестве основной сему ‘человек’, не содержит никаких компонентов, указывающих на индивидуальные свойства того, кто назван, и фактически обретает созначение неопределенности (‘*какой-то человек*’).

Так, многие из принятых в языке безóбразных наименований людей фактически приводят к деиндивидуализации. Это прежде всего такие переносные обозначения, как *лицо, персона*. Они несут в себе сему неопределенности, так как в них отсутствует личностная идентификация: *лицо, персона* — это некто, чьи индивидуальные черты не обязательно знать или указывать. При этом смысловая структура подобных обозначений предельно проста: они лишь вычленяют названного в данном фрагменте действительности (сема ‘*человек*’) и, благодаря атрибутивным компонентам, соотносят с определенным фреймом: *официальные лица, должностные лица, первые лица государства* — ‘представители страны’, ‘те, кто занят на руководящей должности’, *vip-персона* — ‘тот, кто принадлежит к элите, в том числе правящей’. Этим содержание данных лексических единиц исчерпывается.

Иронически обыгрывает указанное свойство существительного *лицо* Гоголь (в «Шинели»): высокопоставленный чиновник, к которому обращается за заступничеством отчаявшийся Акакий Акакиевич, называется на протяжении всего этого фрагмента «*значительное лицо*» (обозначение чина и имени-отчества употребляются

[1] Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 2001. — С. 1282.

[2] Там же. С. 120.

[3] Там же. С. 44.

эпизодически). Семантическая опустошенность номинации подчеркивает манеру, избранную главой канцелярии в общении с героем повести: желание казаться отчужденным, недосягаемым, вызывать страх (неизвестного всегда боятся).

Близко к указанным существительным стоят переносно употребленные *субъект, тип* (о человеке). Однако они обычно окрашены иронией, направленной на названного, и ироническое авторское отношение придает обозначениям дополнительные конкретизирующие оттенки смысла: *тип* — обычно о том, кто ничтожный, неприятный, вызывает отвращение и т.п. *Субъект* — презрительное — тот, кто не внушает доверия, уважения и пр. Эти же примеры показывают, что деиндивидуализация может быть полной и частичной.

Итак, при назывании людей нюансы значения могут меняться в две противоположные стороны: в сторону расширения (обогащения) номинации (см., напр., субстантивированные *златокудрая, синеокая, «страстная, безбожная, пустая, незабвенная,* прости меня!» — А. Блок) и в сторону сужения (обеднения) значения. Представим это цепочками:

индивидуализация ← называние → деиндивидуализация → деперсонификация

Уже приведенные примеры говорят о том, что деперсонификация и деиндивидуализация: во-первых, должны быть введены в ряд других семантико-стилистических приемов, наряду с их противоположностями — олицетворением и индивидуализацией; во-вторых, они способны стать средством создания образа. И следовательно, что важно для исследования политического и массмедийного дискурсов, деперсонифицирующие и деиндивидуализирующие обозначения могут быть использованы в качестве имиджевых конструктов.

В российских СМИ последнего десятилетия деиндивидуализирующие и деперсонифицирующие обозначения стали весьма широко применяться в текстах, где речь идет о власти, о ее представителях. При этом чаще всего бывают задействованы следующие языковые средства.

I. Деперсонификацию создают:

1) Метафорические переносы наименований из мира техники в мир людей: *машина, аппарат*, (в современных масс-медиа наиболее частотны), *рычаги, эшелоны* и некоторые другие В.П. Москвин называет их «**машинными метафорами**» [Москвин, 2007, с. 380] и относит их возникновение к XVI в., когда они стали служить «моделью объяснения и функционирования физического мира», затем распространились на сферу биологии, на «мир общества» и «мир человека» [там же] и в настоящее время

продолжают жить и развиваться как метафоры, «отражающие индустриализацию массового сознания» [там же].

В современных СМИ:

Машина (государственная) — люди, стоящие у власти, система законов, способы управления: «К предреволюционной эпохе Россия оставалась сословной, а следовательно, фундаменталистской крестьянской страной. Все прогрессисты могли чувствовать себя безопасно разве только под защитой звероподобной *госмашины*» (Огонек, 2007, № 37, 10—16 сент.); «Российским властям уже пора получать патенты на свои идеи, поскольку некоторые из них полностью переворачивают привычные представления о том, как и для кого должна работать *государственная машина*» (Коммерсантъ Деньги, 2010, № 30, 02.08—08.08, с. 4); «Россия медленно, но неуклонно погружается в режим “ожидания”. *Управленческие шестеренки* застыли в испуге, *государственная машина* замерла, как стреноженный конь» (Аргументы недели, 17.09.2007);

Аппарат — *государственный аппарат, управленческий аппарат, бюрократический аппарат, аппарат* (без атрибутивного компонента): «Другое дело, что до сих пор неповоротливый российский *госаппарат* так и не смог наладить сбор авторских средств при недопущении излишнего роста цен на электронику» (Московский комсомолец, 19.07.2010); «Ведь все предыдущие сокращения *аппарата* приводили к его росту. Неужели нам для успеха модернизации нужно, чтобы Бенедикт XVI и в самом деле прислал нам инквизицию?» (Аргументы и факты, 2010, № 28, с. 6); «И не нужно питать иллюзий, что с сокращением числа министерств будто бы гармонизированы их интересы, уменьшился *бюрократический аппарат*, сократился объем его полномочий» (Нез. газ., 11.03.2008); «Воронежские партийцы конференцию и выборы провалили... однако результаты их категорически не понравились *аппарату*» (Нез. газ., 2005, № 41).

Наполняемость дискурса подобными метафорами создает образ отлаженной, но при этом бездушной, безжалостной, методично подавляющей всех машины, чуждой идеям милосердия и гуманизма, — эффект деперсонификации.

Смотри также случаи иронического обыгрывания «машинных» метафор в заголовках печатных СМИ:

«*Аппаратная контрреволюция:* Дмитрий Козак приступает к “зачистке” Белого дома» (загол. и подзагол., Время новостей, 12.07.07); «В Госдуме назревает *аппаратная революция*» (Stringer, 23.02.07); каламбуры: «*Силовая машина:* Минобороны намерено широко внедрить в армии детекторы лжи» (Время новостей, 28.03.06); «*Фискальный автомат:* ФНС планирует установить специальные терминалы для оплаты налога» (Время новостей, 19.02.08); саркастическое: «*Кас-*

совый аппарат: Администрация президента России контролирует десятки миллиардов долларов» (загол. и подзагол., Новая газета, 2005, № 8);

2) К деперсонификации приводят и метафорические переносы терминов точных и естественных наук, использованные для обозначения людей: *вертикаль, горизонталь, структуры, система, органы* и нек. др.: «Укрупнение *вертикали* власти: Расширение Красноярского края может стоить казне 23 миллиарда рублей» (загол. и подзагол., Новые Известия, 21.06.04); «Лоббистская *вертикаль*: Думцы считают, что Счетная палата может активнее бороться с коррупцией» (загол. и подзагол., Новые Известия, 30.06.05); «Но *вертикаль* давит, и три месяца ему [Герману Грефу. — *В.С.*] приходилось имитировать переговоры с Союзом театральных деятелей России» (Новые Известия, 16.02.05); «*Горизонталь* власти: Госсовет поможет разделить полномочия между регионами и центром» (загол. и подзагол., Время новостей, 31.05.04); «“Наши” — капкан для ретивых, страховка *системы* от самых амбициозных и прытких» (Огонек, 2005, № 22); «Сами сотрудники... теряются в догадках относительного того, идет ли речь о попытках “встряхнуть” силовые *органы*, об обострившейся борьбе между собой провластных группировок...» (Время новостей, 16.05.06); см. также ироническое: *«Пересадка органов»* (Итоги, 01.06.07, № 22 — загол. статьи о перераспределении полномочий в силовом ведомстве) и т. п.

3) Деперсонифицирующими являются и метонимические переносы, которые в прямом значении указывают на местонахождение руководства страны: *Москва, Кремль, Белый дом* (они, по-видимому, распространились под влиянием западных СМИ): «Пока *Кремль* думает, что делать с Калининградской областью, в регионе зреет “позитивный сепаратизм”» (Время новостей, 22.03.05); «В поисках неопасной оппозиции: *Кремль* занялся созданием сильной либеральной партии, поскольку сами правые сплотиться не смогли» (загол. и подзагол., Московские новости, 01—07.12.2006, № 46); «Но также очевидно, что *Москве* оказалось нечего предложить, кроме братства и очень небогатой жизни с неясными перспективами» (Московский комсомолец, 06.01.05).

4) Деперсонификацию создают и переносные обозначения человека через предмет, вещь («опредмечивание» личности). Гротескно это представлено у М. Булгакова в «Мастере и Маргарите», в эпизоде в Комиссии увеселений и зрелищ, где после визита Бегемота за столом председателя остался сидеть *пустой костюм*: «За огромным письменным столом с массивной чернильницей сидел *пустой костюм* и не обмакнутым в чернила

сухим пером водил по бумаге. *Костюм* был при галстуке, из кармашка *костюма* торчало самопишущее перо, но над воротничком не было ни шеи, ни головы, равно как из манжет не выглядывали кисти рук... Услыхав, что кто-то вошел, *костюм* откинулся в кресле, и над воротничком прозвучал хорошо знакомый бухгалтеру голос Прохора Прохоровича...»[4]. Вещь подменила человека, человек оказался и не очень нужным, важны те функции, которые он выполняет.

В текстах нынешних СМИ о власти к таким «опредмечивающим» наименованиям относятся, прежде всего, *«белые воротнички»*.

II. ДЕИНДИВИДУАЛИЗАЦИЮ создают:

1) Слова с семантикой собирательности.

Сама по себе семантика собирательности (множество предметов, лиц обозначены как некое совокупное целое, обладающее общими для всех входящих в него свойствами) содержит представление о невыраженности индивидуальных, личностных черт. Собирательность при назывании людей подчеркивает, что названные образуют замкнутую социальную, возрастную и др. группу. А в любой замкнутой группе личность «обезличивается»: неизбежно подчиняется общим для всех групповым интересам и продиктованными ими законам поведения, т.е. индивидуальность в значительной степени подавляется: теряет право на собственные оценки, представления. В исследованиях по социальной психологии находим: «...Психологический механизм воздействия группового мнения может проявляться... и в отрицательном влиянии на личность» [Крысько, 2003, с. 53], а именно, некоторые групповые суждения способны «превращаться в оценочные стандарты и воздействовать не только на сознание, но и на подсознательную сферу человека» [там же, с. 53]. Таким образом, принадлежность к группе обусловливает стереотипизированные и одинаковые для всех членов группы ментальные, эмоциональные, поведенческие реакции и отказ от собственных реакций.

Комически и даже гротескно представлена эта «одинаковость» всех в «Мертвых душах» Гоголя. Чиновники города N, собравшиеся у полицеймейстера обсудить слухи о Чичикове (гл. X), не имеют своего личного мнения, у них мнение и реакции коллективные:

а) общая ментальность: «Конечно, *поверить* этому чиновники *не поверили*, а, впрочем, *призадумались* и, рассматривая это дело каждый про себя, *нашли*, что лицо Чичикова, если он поворотится и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона»[5]; «Итак, ничего

[4] *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита / Булгаков М. А. Романы. — М.: Современник, 1988. — С. 556.

[5] *Гоголь Н. В.* Мертвые души. Поэма. — М.: Правда, 1954. — С. 217.

нет удивительного, что чиновники невольно *задумались* на этом пункте, скоро, однако же, *спохватились*, заметив, что воображение *их* чересчур рысисто и что все это не то»[6] — ряды однородных сказуемых — выделенные ментальные глаголы —подчеркивают отсутствие собственных суждений, оценок;

б) Здесь же (в X главе) — общая для всех чиновников физическая реакция: «*Все* подалось: и председатель *похудел*, и инспектор врачебной управы *похудел*, и прокурор *похудел*, и какой-то Семен Иванович, никогда не называвшийся по фамилии, носивший на указательном пальце перстень, который давал рассматривать дамам, даже и тот *похудел*»[7] — одно и то же для всех глагольное слово «*похудел*» и местоимение собирательной семантики «*все*», которое нормативно употребляется по отношению к неодушевленным существительным, гротескно акцентируют одинаковость чиновников.

Семантика собирательной совокупности может быть выражена разными средствами. В текстах СМИ о власти это прежде всего:

а) собственно собирательные существительные: *чиновничество, бюрократия, номенклатура, правящая элита, власть* (в значении: ‘люди, стоящие у власти’): «Неумолкаемый стон стоит над Россией. Стон от засилья *бюрократии*» (Аргументы и факты, 2010, № 28); «Если президенту удастся сократить *чиновничество* хотя бы на обещанные 20%, стрелки можно было бы перевести немного назад» (там же); «У нас вновь возродилась “*номенклатура*”, которая берется управлять всем...» (Новая газета, 07.11—10.11.2004, № 82); «В социально-психологическом плане — это свидетельство оскудения и профессиональной этики, и общего уровня тех, кто самонадеянно назвал себя “*властной элитой*”» (Новая газета, 04.11—10.11.2004, № 83); «Когда *власть* окопалась в своих башнях на недосягаемой для народа вертикали, а иные вожди непонятны и печальны — карнавал выходит на улицы» (Новая газета, 04.06.2010, № 59); «Цены обезумели, *власть* разводит руками» (загол., Аргументы и факты, 2006, № 25); «Местная *власть* тратит миллионы! И не стесняется» (Аргументы и факты, 2010, № 26); «Как только в обществе формируется ощутимый...запрос на “добавку” к демократическому пайку, *власть,* поморщившись, идет на уступки» (Аргументы и факты, 2010, № 26);

б) формой единственного числа конкретных существительных в собирательном значении (чаще всего — *чиновник*): «Хуже всего то, что, когда *чиновнику* нечем заняться, он начинает изобретать. Уже озвучена идея массовой заготовки, сушки и последующей продажи в Арабские Эмираты астраханской саранчи. На днях родилась идея массовой пересадки

[6] Там же. С. 218.
[7] Там же. С. 207.

москвичей и жителей Подмосковья на вертолеты для преодоления транспортного коллапса» (Аргументы и факты, 2010, № 28);

в) формой множественного числа агентивных существительных в контекстах, где предикативная часть указывает на общие для всех действия, реакции, свойства (см. приведенные выше примеры из Гоголя с существительными *чиновники*).

Негативная семантика контекстов, в которых, как правило, употребляются такие слова с семантикой собирательности (обычно это материалы публицистического характера), «оттеняет» значение деиндивидуализированности. Это происходит оттого, что в российской системе оценок негативное отношение вызывает именно отсутствие своего «я».

Еще интенсивнее выступает значение обезличенности, переходящее в деперсонификацию, в контекстах, где присутствуют сравнения и метафоры, относящиеся к понятию ‘неживое’: «По мере того как в обществе стало нарастать мнение о предвзятости судебного процесса, *власть* стала (медленно и неохотно) сдавать свои, казалось бы, *железобетонные позиции*» (Аргументы и факты, 2010, № 26); «...Параллельно оживляя спящее *чиновничье пространство*, которое неповоротливо и не спеша продолжает *функционировать*, выполняя служебные функции государства» (Время новостей, 18.05.07). См. также «опредмечивание» власти в заголовке «Власть *в хорошем состоянии:* Кризис сделал президента и премьер-министра России беднее» (Время новостей, 13.04.10) — как в объявлениях о продаже предметов быта, одежды, например: «Продается кухонная плита. *В хорошем состоянии*».

К собирательным и обезличивающе-деперсонифицирующим относится и ставшее модным в СМИ существительное *ресурс* в словосочетании «*административный ресурс*» (активизировалось после победы «Единой России» на выборах в Госдуму-4 и означает: а) людей, работающих на администрацию, правительство, и технические и прочие средства, находящиеся в их распоряжении; б) только ‘людей’. См.: «*административный ресурс* сильный, *административный ресурс* слабый» (радио Маяк, 11.03.04); «*Сетевой ресурс* против *административного*. Чиновники не смогли закрыть интернет-СМИ из-за реплики на форуме» (загол. и подзагол. Новая газета, 26.06—28.06.2006, № 47); «Владимир Григорьевич [губернатор Воронежской области. — *В.С.*] поссорился с Дмитрием Олеговичем [Рогозиным. — *В.С.*], и без *административного ресурса* «Родине» сразу стало тоскливо» (Новая газета, 09.06—15.06.2005, № 41). Здесь же — *силовой ресурс:* «...идет ли речь лишь об обострившейся борьбе между собой провластных группировок, традиционно использующих *силовой ресурс*» (Время новостей, 16.05.06).

2) К деиндивидуализации приводит и употребление оценочных слов, семантика которых и их связи в вербально-ассоциативной сети создают представление об обезличенности, слепом следовании приказам сверху и букве закона, несовместимых с личностным началом: *чиновник* (в негативных контекстах), *бюрократ*. См. весьма частотные в СМИ начала 2000-х гг.: «*Чиновники* хотят взять под контроль Интернет, но не знают как» (Новые Известия, 21.12.07); «У *чиновников* — без перемен» (загол., Аргументы и факты, 2005, № 7); «*Чиновники с человеческим лицом*» (загол., Аргументы и факты, 2005, № 6) и т.п. [Суздальцева, 2008].

Близко к этому стоят слова *аппаратчик, номенклатурщик, функционер, назначенец*. За счет их внутренней формы, семантики производящей основы и узуально неодобрительных коннотаций (словарь Г.Н. Скляревской дает их в отрицательных контекстах либо с пометой *неодобр*.[8]) они представляют названных лишенными каких-либо индивидуальных черт.

3) Нулевая номинация, т.е. отсутствие номинации субъекта действия в неопределенно-личных конструкциях: «Нас *призывают* заменить старые “лампочки Ильича” на новые, экологичные. Но когда приходишь в магазин, обнаруживаешь, что все инновационные лампы китайского производства» (Аргументы и факты, 2009, № 46); «Нам *внушают* даже не чувство национальной гордости, а национальной гордыни» (Аргументы и факты, 2010, № 16); «Видимо, в Кремле *понимают*, что бесконечно укреплять силовиков невозможно. Достаточно с них и финансовой прибавки в новом бюджете» (Новые Известия, 04.11.04); «Из сугробов *выкачивают* миллионы долларов. Поэтому чистые улицы в столице никому не выгодны» (Новые Известия, 04.02—10.02.2005). Семантика слов в контекстах такого рода показывает, о ком идет речь (о представителях власти), но неназывание подлежащего-субъекта подчеркивает, что для автора материала, как и для его массовой аудитории, неинтересно и неважно, кто именно производит обозначенные сказуемым действия.

* * *

Итак, очевидно, что в значениях большинства слов выявленных разрядов отсутствуют семы, связанные с теми характеристиками, которые раскрывают личностные черты. Обычно первооснова подобных наименований — те качества власти, которые продиктованы особенностями ее функционирования (характер, цель деятельности, местонахождение, иерархическая отнесенность и т.д.).

[8] Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Гл. ред. Г. Н. Скляревская. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Воздействующий результат подобных обозначений таков. С одной стороны, они концентрируют внимание читателя не на личных свойствах представителей власти, а на функциональной стороне их деятельности, предписанной им их должностным положением. Это нормально и соответствует принятому в настоящее время деловому стилю руководства. С другой стороны, чрезмерная насыщенность смыслового континуума «власть» деиндивидуализирующими единицами может придать образу власти отрицательные черты. При определенных условиях оба эти приема становятся способами вербальной агрессии. Это агрессия имплицитная, исподволь направленная на объект называния; она постепенно проникает в сознание массового реципиента и создает в нем устойчивое «недобро». Деперсонифицирующие и деиндивидуализирующие номинации следует отнести к тем элементам, которые в современной лингвистике определяются как «маркеры чуждости» [Шейгал, 2004, с. 131] в оппозиции «свой—чужой», которая составляет «семантическую базу функциональной классификации знаков политического дискурса» [там же, с. 133]. Обезличивающие и «опредмечивающие» наименования — один из способов отъединения в типичной для политического дискурса дихотомии «власть—народ». Признак «личность/неличность» здесь является дифференцирующим. Народ и власть в этом случае вводятся в отношения антагонистические. Народ — это люди, личности, у которых всегда есть конкретные проблемы, горести, переживания, т.е. «свои». А власть — это нечто обезличенное, черствое, неживое, механизированное и, следовательно, бесчеловечное — то, что противопоставлено народу, является для него «чужим». Таким образом, и деперсонифицирующие, и деиндивидуализирующие обозначения могут способствовать понижению общественного статуса представителей власти в глазах массовой аудитории.

Список литературы

Борев Ю. Б. Эстетика. Теория литературы. Энциклопедический словарь. — М.: Астрель: АСТ, 2003.

Крысько В. Г. Словарь-справочник по социальной психологии. — СПб.: Питер, 2003.

Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. — Ростов н/Д: Феникс, 2007.

Суздальцева В. Н. «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй» (Образ представителя власти в современных российских СМИ) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2008. — № 6.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004.

Поступила в редакцию
07.10.2010